

ГОРОДА ЮЖНОЙ ИТАЛИИ ПОД ВЛАСТЬЮ РОЖЕРА II (20-Е – 30-Е ГГ. XII В.)

Ртищева Галина Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент, ИГН МГПУ

galina_rtischeva@inbox.ru

CITIZENS OF SOUTH ITALY UNDER THE GOVERNMENT OF ROGER II (1920S – 1930S)

G. Rtischeva

Summary: The article is devoted to the fate of southern Italian cities during the establishment of the power of Roger II of Sicily on the peninsula. In historiography this problem is usually considered from two sides: the socio-economic basis of the city or universitas (urban community and its representative munici) is studied. On this basis conclusions are made about the degree of proximity of the cities of Southern Italy to the Northern Italian communes. The author proposes to take into account in such studies the data of chronicles, which narrate the realities of the socio-political life of cities: Salerno, Naples, Troia and Bari, and make it possible to determine the degree of sustainability of their universitas.

Keywords: Southern Italy, Normans, universitas, military magistrate, Roger II of Sicily, commune.

Аннотация: Статья посвящена судьбам южноитальянских городов в эпоху установления на полуострове власти Рожера II Сицилийского. В историографии эта проблема рассматривается как правило с двух сторон: изучается социально-экономическая база города или universitas (городская общность и представлявшая ее муниципия). На основе этого делаются выводы о степени близости городов Южной Италии к североитальянским коммуна. Автор предлагает учитывать в таких исследований данные хроник, которые повествуют о реалиях социально-политической жизни городов: Салерно, Неаполя, Тройи и Бари, и позволяют определить степень устойчивости их universitas.

Ключевые слова: Южная Италия, норманны, universitas, военный магистрат, Рожер II Сицилийский, коммуна.

К концу XI в. по подсчетам Энрико Сестана, в Южной Италии существовало около 70 civitates. Почти половина из них были достаточно крупными, остальные оставались небольшими поселениями [1: 101]. Самыми значительными, наряду с Амальфи, были Бари, Тройя, Неаполь и Салерно. До 60-х годов XI в. большая часть городов Южной Италии оставались под властью Византии или лангобардских князей. Норманны (нормандцы), которые до 40-х гг. подвизались в этом районе в качестве наёмников, в конце этого десятилетия приступили к самостоятельным завоеваниям. Для контроля над городами они занимали уже возведенные цитадели или строили донжоны, а позднее замки, в черте города или рядом с ним. Например, такие как в Бари, Тройе и Лучере. Но окончательно южно-итальянские города перешли под контроль норманнов только в 70-е гг. XI в., когда юг полуострова окончательно перешел из-под власти лангобардов и византийцев норманнским баронам.

С этого времени и до первой трети XII в., то есть до присоединения Южной Италии к Сицилийским владениям Рожера II, города на юге полуострова сохраняли некоторую автономию. Местными могли быть не только городские судьи и нотариусы, но и высшая администрация [2: 76–79, 219–271; 3: 213]. Исследования Вито Лоре показали, что комиты, (comitis), которые упоминаются в городских документах бывших лангобардских городов,

это не норманнские сеньоры, а выходцы из городской аристократии, сложившейся еще при лангобардах [4: 65–71]. В городах, раньше принадлежавших Восточной Римской империи, норманны так же оставляли, на условиях лояльности, византийскую администрацию. Городские катепани взаимодействовали с норманнскими сеньорами как ранее с византийской администрацией, главным образом собирая и поставляя выплаты. При этом города находились под военным контролем норманнов и это позволяло курировать как их судебные, так и административные решения.

Похожим образом ситуация складывалась на Сицилии. На острове норманны использовали арабский и, отчасти, византийский бюрократический аппарат. Многие должности, их названия и полномочия здесь сохранились со времен арабской Сицилии, например, ammiratus (amir), или были заимствованы из византийской системы управления — protonotarius, logotheta [5: 654].

Наличие на острове развитой администрации, налоговых округов, земельных реестров представляло собой готовую систему контроля, которую при благоприятных условиях можно было распространить не только на сельские территории, но и на города. Однако до второй половины 20-х гг. XII века мы, даже на острове, не встречаем представителей норманнской городской администрации [6].

Эта относительная автономность южноитальянских, а первое время и сицилийских, городов позволила исследователям итальянского урбанизма поставить вопрос о характере их автономии в норманнском государстве Рожера II. Первым в начале XX в., его поднял Франческо Карабеллезе. Он писал о исторических судьбах средневековых городов севера и юга Италии и пришел к выводу, что при норманнах, в XI–XII вв. большие и малые южные города мало чем отличались от североитальянских коммун этого времени. В своих рассуждениях он опирался на тексты, в которых упоминалась городская *universitas* (общность, объединение, муниципия). Он трактовал её как юридически оформленный институт (или институты) самоуправления [7]. Эта трактовку в 80-е гг., хотя и осторожно, поддерживала советская исследовательница средневековой Южной Италии проф. М.Л. Абрамсон. В работе, посвященной судьбам крупных южноитальянских городов, она писала: «Экономический подъем городов имел своим следствием усиление горожан, объединенных военной организацией и, при отсутствии центральной власти, лежал в основе начавшегося в X–XI вв. во многих городах процесса образования коммуны (*universitas*).» [8: 26]. Но в те же годы большой материал о семантике понятия *universitas* в контексте городской жизни южных городов был собран Джинной Фазоли. В работе «Город и городские сословия в эпоху двух Вильгельмов» она настаивала, что в источниках второй половины XII в. «*universitas*» используется для обозначения людей, проживающих и действующих на общей территории, в то время как значение термина «*commune*» иное. Д. Фазоли определяла коммуну как сознательное объединение людей, при этом замечала, что в источниках под термином коммуна часто подразумевается объединение, имеющее некую общую собственность. А так как внятных свидетельств об общей собственности в городах юга нет, то она полагала, что мы не можем отождествить «*universitas*» и «*commune*» [9]. Таким образом вопрос о сходстве южных и северных городов Италии на время был снят. Возобновил эту дискуссию Джованни Витоло [10: 243–294, 256–275].

В 2007 году он предложил идентифицировать значение термина *universitas*, которое используется в документах или описаниях городов: Салерно, Амальфи, Бари, Тройя и др. в XII и XIII вв., с понятием *commune* или *communitas*. Он полагал, что, если в городских документах или при описании города он определяется как *universitas*, то это означает, что город имеет политическую и правовую автономию. Однако центральным аргументом в обосновании этой точки зрения стал документ не норманнского, а более позднего времени - договор 1214 г. *Pro reformatione pacis* (Об изменении мира) который оформил отношения Гаэты и Пизы. В нем действительно употребляются две формулировки: говорится о *commune civitatis Gaietae* (городской коммуне Гаэта) и собрании *tota universitate Gaietae* (всего объединения Гаэты) [11: 43–44]. Но, во-первых, существование ком-

мунальных магистратов Гаэты в более раннее, норманнское время, не подтверждается другими источниками и, во-вторых, естественно возникает следующее соображение: не является ли это отождествление терминов *universitas* и *commune* в договоре попыткой преодолеть политико-терминологическую дистанцию с северным союзником. В 2009 году с опровержением идей А. Витоло выступил видный итальянский историк, Джузеппе Галассо, повторив логику Джинны Фазоли. То есть долгая дискуссия о термине *universitas* не слишком приблизила нас к решению вопроса о том был ли южноитальянский город при норманнах коммуной.

Другим направлением исследований этого вопроса был поиск в экономической и социальной жизни этих городов основ, порождающих коммунальные институты. Частноправовые документы и хроники этого периода действительно позволяют обрисовать социальный и экономический облик города.

Социальный состав городов Юга Италии в целом близок социальному составу других итальянских городов XI–XII вв. При этом внешние по отношению к городу и внутригородские документы описывают его по-разному. В сеньориальных и королевских текстах общественная структура представлена как иерархическая, разделенная на три сословия: старшие, средние и остальной народ (*maiores, mediani e cuncto populo*) [12: 37; 6: 326–327]. Составители частноправовых актов в городе различают жителей не только по социальному статусу: *nobiles, proceres, optimates* (ряде документов упоминаются *milites*) но, главным образом, по занятиям. Часто упоминаются ремесленники - «*magistri*» При этом они определенно свободные люди. Иногда ремесленник называется в акте «*dominus*», а его жена или дочь — «*honesta femina*». Некоторые ремесленники владели значительным имуществом. [8: 23]. Фиксируются сделки людей, связанные с торговой и ссудной деятельностью. «*mercatores*», «*negotiatores*» и менялы («*cambiatores*»). Наряду со свободными в документах упоминаются слуги, сервы и те, кого источник называет «*hominii*», подразумевая какую-то степень их зависимости [13: 73]. При этом М.Л. Абрамсон удалось обнаружить чрезвычайно тесные родственные и имущественные связи между горожанами разных социальных групп: рыцарями, ремесленником, и, даже норманнским нобилитетом [14: 38–40, 49–50].

Развитие города безусловно связано с притоком населения. В документах южно-итальянских городов норманнской эпохи достаточно материала, который позволяет говорить о росте населения городов и их пригородов. Во многих грамотах этого периода упоминается об участнике сделки — горожанине, но при этом говорится, что он ранее жил в той или иной деревне или же, что он сын деревенского жителя [8: 18–19]. О росте городских предместий свидетельствует так же строи-

тельство церковей рядом с городами, особенно заметное с 1088 г. и продолжавшееся в течение всего XII столетия.

Если для XI века мы можем предполагать, что важную роль в этом притоке людей к городам играло стремление укрыться за стенами от войн и междоусобиц, то с шестидесятых годов XII века, когда междоусобицы и войны постепенно прекращаются, причины этого переселения надо искать скорее в экономических и, возможно, в социальных предпочтениях, которые давало человеку проживание в городском предместье.

В частнопроводных актах южноитальянских городов имеется немалое количество свидетельств о разнообразном ремесленном производстве [8: 17–25].

Жизнь многих южноитальянских городов, была связана с сельским хозяйством. При этом есть бесспорное свидетельство того, что в XII в. производство продуктов было необходимо городу не только для внутреннего потребления. Исследователи сельского хозяйства городской округи отмечают весьма интересную тенденцию в сфере хозяйствования. В конце XI-го и в XII-ом веках в пригородах заметно возрастает количество земель, отведенных под одну и ту же, общую для всего района, культуру. В каждом из районов эта монокультура была своя. В Тройе и других городах северной Апулии это – зерно. На центральном побережье Апулии, например в Бари, основные земли, отводили под оливы. Вокруг Трани, и в долине Карбонара дель Гаргано, в окрестностях Неаполя преобладали виноградники [15: 354–358].

Выращивание монокультуры является показателем достаточно развитого рынка сбыта. Южноитальянским городам его обеспечивала как межрегиональная, так и дальняя торговля. Свидетельств о такой торговой деятельности достаточно много. В первую очередь их можно найти в частнопроводных актах крупных приморских городов. Есть многочисленные упоминания тех, кто стоит корабли, о морях, владельцах парусных судов (*nauclerii*). Последние фигурируют в документах Бари, Солерно, Неаполя, и др. [16: 41]

На сегодняшний день изучены основные направления этой торговли и сам товарообмен. Это в первую очередь каботажное плавание между портами Южной Италии и Сицилии для торговли на местных рынках норманнского королевства [17; 19]. В это же время горожане Апулии и Калабрии освоили более дальние рынки в центральной Италии, куда везли масло, зерно и ткани [18]. Кроме того, жители южноитальянских городов принимали активное участие в посреднической торговле между Востоком и Западом. Важную роль в этой торговле наряду с Амальфи, играли и другие города, например Неаполь Солерно. [19; 20]. До конца норманнского периода «*mercatores*» или «*negotiatores*» норманнских городов будут выдерживать натиск североитальянских конкурентов Пизы и Генуи и

оставаться на рынках Леванта [21: 57].

Можно сказать, что исследования социально-экономической жизни городов Южной Италии рисуют образ преуспевающего городского мира. К сожалению, в контексте поиска зрелости их экономической базы для формирования коммуны, нам не достает конкретных статистических данных, которые позволили бы говорить об уровне их развития по отношению к североитальянским городским сообществам. Но в целом многие города Южной Италии XI–XII вв. представляется экономически и социально достаточно развитыми, чтобы породить коммунальные отношения.

Однако средневековый город не изолирован, он живет во враждебном ему по своей сути, окружении феодального мира и судьба даже самых экономически развитых городов во многом определялась этим окружением. Именно это окружение конституировало законность и определяло незаконность существования автономных городских институтов: финансовых, судебных, административных и военных.

Для того, чтобы сделать заключение о зрелости и устойчивости городских сообществ и коммунальных институтов в южноитальянских городах следует рассмотреть их судьбы в контексте взаимоотношений с окружающим феодальным обществом. В частности, выяснить в какой мере политический контекст, который мы можем восстановить по хроникам современников, позволял развиваться коммунальным магистратам южногородской «*universitas*».

В этой связи судьбоносной для южноитальянских городов представляется эпоха правления Рожера II Сицилийского (1105–1154 гг.) и особенно время присоединения им Южной Италии в 1129–1139 гг.

Граф Сицилии Рожер II сын сицилийского графа Рожера из нормандской династии Отвилей, начал самостоятельно править с 1112 г. Первые свидетельства о его преобразованиях в городском управлении относятся к родной ему Сицилии. На них обратил внимание Марио Каравале, обнаруживший, что в 1126 г. в ряде городов на острове появился представитель королевской администрации [6: 326–327] - *camerarius*. Ему поручались те функции, которыми ранее занимались местные власти: сборы денежных поступлений, и управление казенной собственностью с функцией контроля налогов и расходов [6: 333–334.]. Однако тогда, даже на острове, где мог быть обеспечен постоянный контроль над городами со стороны чрезвычайно развитой, по тем временам, королевской администрации, эта должность не стала повсеместной.

В начале компании для большинства городов Южной Италии внутренние – собственное и внешнее – норманнское управление, оставались разделенными.

Норманнские бароны контролировали города силами гарнизонов, размещенных в цитаделях. Переустройство южноитальянских городских институтов определенно не являлось основной задачей. Главными задачами были: расширение земель, покорение баронов Юга полуострова и создание собственной монархии.

Поводом для военных походов сицилийского правителя в Южную Италию послужила смерть племянника Рожера II, герцога Апулии и Калабрии Вильгельма II (1111–1127 гг.), который, будучи бездетным, признал Рожера II своим наследником, в обмен на финансовую и военную помощь. Рожер, тогда еще не имевший титула короля, заявил свои претензии на наследство племянника, но норманнские бароны, владения которых образовывались путем захвата земель еще до легитимации власти Отвилей, выступили против него. Города оказались втянуты в эту борьбу. В период постоянных военных действий, ослабления то одних, то других ее участников, в ряде городов начинается борьба за автономию городских магистратов.

Не слишком вдаваясь в ход военной компании Рожера, попытаемся рассмотреть, как хроники тех лет описывают действия горожан и судьбу их магистратов.

Самый ранний текст «Беневентская хроника» («Chronicon Beneventanum») принадлежит нотариусу и писцу папского двора в Беневенто, очевидцу событий и противнику Рожера II Фалько Беневентскому [22]. Второй написан бенедиктинским монахом, аббатом монастыря Сан-Сальваторе Александром Телезскомим. Он тоже был современником, событий, но, в отличие от Фалько, его труд «Деяния Рожера» («Gesta Rogeri» или «Istoria Rogerii regis Sicilie Calabrie atque Apulie») [23], исполненный по заказу сестры Рожера, обосновывал и прославлял деяния короля. Третий текст — это «Хроника» («Chronicon») архиепископа города Салерно Ромуальда Салернского, младшего современника двух первых хронистов [24]. Он служил при дворах сына и внука Рожера II. Его образование, связи и положение позволяли пользоваться библиотеками норманнского двора и монастырей. В частности, те события, которые относятся к завоеванию Южной Италии Рожером, были почерпнуты им из «Амальфитанской хроники».

О событиях, связанных с городами, в хрониках рассказывается кратко и фрагментарно, полной картины устройства магистратов нет нигде, но есть четыре города, которые доставили Рожеру больше всего проблем, это: Салерно, Неаполь, Тройя и Бари. Им в хрониках уделяется несколько большее внимание, нежели другим. Рассказы о них содержат прямые или косвенные сведения, по которым можно сделать вывод о том, сложилось ли в этих городах понимание собственных интересов, какими правами и магистратурами обладали или желали обладать города, что, соглашались и не соглашались

предоставить им сеньоры. Это, в свою очередь, позволит оценить перспективу превращения южноитальянских *universitas* в коммуны североитальянского типа и увидеть какой выбор сделает Рожер: будет традиционно, использовать ресурсы городов, через представителей городской администрации, или поставит под контроль их экономическую и социальную жизнь.

С самого начала войн против восставших баронов, Рожер столкнулся с тем, что для успешного исхода компании, ему было необходимо подчинить или привлечь города на свою сторону. Поход начался с прибытия в 1127 г. сицилийского флота к стенам Салерно, который в это время являлся важным торговым центром Тирренского моря и одновременно центром сопротивления апулийских сеньоров. Рожер не мог себе позволить сразу растратить силы на штурм города или увязнуть в осаде. Для победы над сеньорами ему необходимо было двигаться вглубь полуострова, поэтому он вступил в переговоры. Сначала горожане, которые в это время не имели собственной сколько-нибудь значительной военной структуры и полагались на отряды местных сеньоров, отказались признать власть сицилийского графа. Но во время переговоров с Рожером выяснилось, что у них есть собственные интересы, отличные от интересов баронов. Ценой за которую город был готов отказаться от своих союзников и признать власть нового господина, было предоставление права на самоуправление и собственный суд. Рожер согласился на условия горожан.

В этой ситуации сеньоры, оборонявшиеся в Салерно, были вынуждены признать Рожера своим сюзереном. Судя по тому, что в *Анналах Ромуальда Салернского*, который упоминает о событиях в городе, говорится, что в договоре речь шла о «старинных обычаях», дарованные привилегии не были новшеством. По-видимому, горожане пользовались ими еще при Вильгельме II Апулийском и желали их сохранить [24: 279]. Фалько Беневентский добавляет к этому, что Рожер пообещал не отнимать у Салерно донжон [22: 102]. Всю эту информацию можно было бы интерпретировать как свидетельства получения Салерно значительной городской автономии, если бы ниже, тот же автор, рассказывая о событиях в Салерно, произошедшие через семь лет, в 1137 году, не упомянул о некоем канцлере (*cancellarius*), который находился в городе в момент нападения на город германского императора Лотаря II.

Из текста становится ясно, что канцлер не являлся городским магистратом, а служил Рожеру в качестве его постоянного военного представителя в Салерно. Автор рассказывает, что, когда к городу подошли войска императора Лотаря, воевавшего против Рожера, горожане сдались императору, но при этом действовали они не самостоятельно, а по приказу (*vero eius*) представителя администрации Рожера канцлера Роберта. Чтобы сохранить город, горожане, повинувшись ему заключили

мир и, дав императору большую сумму денег, отправили четыреста солдат, находившихся в городе, к королю Рожеру со своим имуществом целыми и невредимыми. Сам же канцлер с баронами и несколькими солдатами удалился в большую башню («*Cives vero eius preceptis obtemperantes pacem cum imperatore fecerunt et data de suis imperatori magna pecunia. ... quadringentos milites qui in civitate fuerant, ad regem Rogerium cum rebus suis illesos abire fecerunt. Cancellarius autem cum baronibus et quibusdam militibus se in Turrim maiorem recepit*») [24: 223-224]. Канцлеру, рыцарям и с части, подчиненного ему гарнизона, горожане позволили забрать имущество и отсидеться в замке. После ухода императора Роберт вернулся к своим обязанностям. Из текста ясно, что канцлер в Солерно, в отличие от камерариев, вводимых Рожером в 20-е годы на Сицилии, имел более широкие полномочия и в компетенции представителя короля оставались внешнеполитические вопросы и военный магистрат. (У канцлера был отряд из 400 рыцарей).

Этот институт, при сохранении прав административной и судебной автономии в руках горожан, обеспечил Рожеру II лояльность Салерно на все время завоевания Южной Италии. Наличие постоянного представителя власти в Солерно этого периода определенно демонстрирует нам, что город не являлся свободной муниципией, и у нас нет причин для оптимистичного отождествления *universitates* Салерно с североитальянской коммуной.

Дальнейшее течение военной компании продемонстрировало, что для Рожера даже согласие на предоставление финансовой и юридической автономии, как это было в Салерно, представлялось слишком большими уступками. Его позиция вполне понятна: городская автономия в границах феодальных владений при постоянных войнах, могла поставить сеньора в сложное положение. Поэтому в дальнейшем мы не найдем примеров такой щедрости от сицилийского монарха. В этой связи показательна история покорения, точнее, многократных покорений апулийского города Тройи.

Перипетии этих событий подробно изложена в труде монаха-бенедиктинца, аббата монастыря Сан-Сальваторе Александра Телезского «Деяния Рожера». Он писал заказное сочинение и должен был выразить официальную позицию сицилийского двора. В этом тексте есть рассуждения о том, что происходит, если в городе нет власти сеньора. Он пишет, что после смерти Вильгельма II предоставленные сами себе, без герцогского управления, города Салерно, Тройя, Мельфи, Веноза и многие другие, оставленные без контроля, были незаконно захвачены теми, кто имел тиранические амбиции устремления («*absque regiminis ducalis habena (...) accidit ut et ipsarum ducalium urbium, scilicet Salerni, Troye, Melfie, Venusii, ceterarumque que sine domino et duce relicte fuerant, quedam istius, quedam illius tyrannica ambitione*

surriperentur») [23: 6]. Иными словами, самостоятельное существование города приводит к беспорядкам и тирании, города не могут быть самостоятельны, им необходим законный сеньор. Очевидным примером такого беспорядка для Александра Телезского как раз и были события в Тройе.

В 1127 году горожане Тройи получили более широкие права, чем жители Салерно. Они были дарованы городу другим сеньором, противником Рожера, - папой Гонорием II, который также считал себя наследником земель Апулии и искал союзников. Хартия папы избавляла город от налоговых выплат за недвижимость, за земли под рынки и, главное, она предоставляла горожанам право самостоятельного управления и право судиться в городском суде [25: 213]. Т.е. жители получили административные, финансовые и судебные права. Кроме того, известно, что во время войн с Рожером они выставляли собственные городские войска, а значит у них к этому времени сформировался военный магистрат. Фактически Тройя обрела права коммуны. Это сделало тройанцев непримиримыми и решительными в борьбе с Рожером II. Узнав о приближении войск сицилийского правителя, горожане разрушили норманнский замок, возведенный еще в 30-е гг., укрепили стены и начали строить ров [23: 15], что безусловно свидетельствует о консолидации городской общины и организационной роли магистратов.

Рожер постарался подойти к городу быстрее, до окончания фортификационных работ, но они были закончены вовремя. Однако он сумел взять город в осаду. Александр Телезский писал, что сопротивление горожан было всеобщим («*tamen ei a civibus omnino resistebatur*») [23: 18]. Город был действительно хорошо укреплен, и это внушало его жителям надежду на победу. Автор Истории даже утверждал, что горожане презирали осаждающих, так как они полагали, себя смелее их («*unde obsidentem, audaciores, parvipendebant*») [23: 19-20]. Если автор зафиксировал реальные настроения горожан Тройи, то перед нами, попытка определить отличительную черту своего характера и, в некотором роде, свидетельство самосознания горожан. Горожане продолжали сражаться даже тогда, когда сопротивление их союзников – южноитальянских баронов было сломлено и они признали графа Рожера герцогом Апулии (сентябрь 1129 г.). Рожеру пришлось даже снять осаду и вернуться за подкреплением на Сицилию. Тройю удалось захватить только в следующем 1130 г. Горожанам было приказано восстановить норманнский замок, который они разрушили. В нем разместился гарнизон Рожера, но на этом сопротивление тройанцев не прекратилось. Через год Тройя снова выступила против сицилийского правителя.

Этот год был очень насыщенным событиями. Несмотря на задержку отрядов у Тройи, военная компания в целом была удачной для Рожера. Сеньоров удалось

покорить. В военном отношении большинство южноитальянских городов зависели от помощи баронов, поэтому, когда осенью они лишились ее, им, как и Тройе, пришлось признать власть сицилийского правителя. Сдались даже такие крупные города как Неаполь, Бари и Салерно. Ни о каких уступках горожанам в это время мы не знаем. Оставленные в них гарнизоны сицилийских и местных лояльных сеньоров должны были гарантировать их покорность. В сентябре 1130 года папа Анаклет II, избранный одновременно с Иннокентием II, искал поддержку у сицилийского правителя. Результатом переговоров между ним и Анаклетом было издание буллы, провозглашавшей герцога Рожера королем Сицилии. На Рождество 1130 года он был коронован в Палермо [26]. Лидер восставших сеньоров граф Ранульф II Алифийский из итало-норманнской семьи Дренготов вместе с другими баронами и рыцарями принес Рожеру вассальную присягу. Однако наладить систему управления на новых землях и в городах королю не удалось. В 1131 году в Южной Италии началась новая череда восстаний, отчасти инспирированная союзом французского, английского и германского монархов. Короли Людовик VI Толстый, Генрих I Английский и император Лотарь III, объединились против Рожера. Это произошло во многом благодаря усилиям Бернара Клервоского, так как Рожер, которого Бернар называл «полуязыческим королем», поддерживал враждебного Иннокентия II папу Анаклета II. Надеясь на помощь от папы и монархов против Рожера, вместе с сеньорами выступили некоторые города и в их числе снова была Тройя. Несмотря на норманнский гарнизон размещившийся в восстановленном в замке, тройяны укрылись за городскими стенами и отказались сдать подошедшим войскам короля. Осаду в 1131–1133 гг. войнам Рожера пришлось снимать и начинать снова несколько раз. Измученный город видимо не располагал достаточными силами для сопротивления и обратился за помощью к графу Райнульфу. Но как только тот узнал, что войска короля могут напасть на его владения, он покинул Тройю и город «сдался через несколько дней». В этот раз с Тройей поступили очень жестоко. По приказу Рожера она была разрушена, а жителей заставили покинуть город; их расселили по двенадцати деревням округи [27: 64]. Позднее, пока Рожер будет сражаться с сеньорами, горожане вернуться и восстановят Тройю. Более того, они в это время обрели автономный военный магистрат. Об этом косвенно свидетельствуют тройянские отряды, которые до 1137 года будут вместе с мятежными сеньорами сражаться против войск Рожера, в том числе будут участвовать в битве при Риньяно-Горгано, которую Рожер проиграет. Но после признания баронами власти Рожера над Южной Италией в 1139 г. городской военный магистрат в Тройе будет упразднен и город потеряет возможность развиваться в свободную коммуну.

Когда в 1129 г. Роже II выселил жителей Тройи, его войска направились на юг и достигли главного города

Апулии Бари. Но в июне 1132 г. армия Рожера потерпела поражение при Сарно. Военная ситуация складывалась для Рожера не лучшим образом, возможность подчинение Бари в этой ситуации вызывала сомнение.

В связи с этим произошла интересная коллизия, о которой нам рассказывает Александр Телезский. Из-за угрозы враждебных действий со стороны графа Танкреда (родственника и союзника Райнульфа Алифанского) и других, король не желая раздражать жителей Бари, согласился на некоторые из их просьб, используя благоразумный план; до поры до времени он оставил их в покое («*Qui pro eo quod Tancredi seu ceterorum hostilitas immineret, barenssem ad presens nolens exacerbare populum, quibusdam eorum petitionibus, prudenti consilio usus, consensit; sicque eos pro tempore quietos dimisit*») [23: 31–32]. Из его текста Александра Телезского не ясно, в чем заключались просьбы жителей Бари, но из другого пассажа, описывающего события 1133 года, становится понятно, что Рожер был вынужден предоставить городу какие-то права. Но, то, что представлялось Рожеру разумным в отношении города в 1132 году, в следующем, более спокойном и удачном для него 1133 году было уже не приемлемым. Александр Телезский рассказывает, что король, придя через год в Бари, те права, которые дал раньше, против воли, отменил, начал восстанавливать замок, разрушив все укрепления («*[rex] veniens Barim quam civibus, sicut supra expressum est, pro velle ipsorum dimiserat, cunctis turribus eorum eversis, castrum etiam in ea, quod iam intermissum fuerat, reedificari istituit*») [23: 47]. Однако судя по дальнейшим событиям, описанным уже другим хронистом, Ромуальдом Салернским, в городе к концу 30-х гг. восстановился, или король по каким-то причинам не ликвидировал, военный магистрат Бари. Это становится проблемой для Рожера в 1139 году, когда Бари снова поддержал баронов. Тогда для того, чтобы покорить город, король подвел к его стенам тридцать осадных башен и катапульты. Горожане продержались два месяца. Они сдались только после того, как начался голод и стены были разрушены [24: 228].

Добровольной сдачей город избежал разграбления, и горожане сохранили жизни. Но исход военной кампании в целом был еще не ясен, чтобы в этот момент избежать недовольства горожан Рожер сохранил в этот раз (или снова) в Бари судебный и военные магистраты. Однако уже в следующем году он снова лишил его этого магистрата, как ранее это сделал в Тройе [25: 213].

О важности городского военного магистрата в качестве гаранта городских свобод свидетельствует история покорения Неаполя. Еще летом 1135 года Рожер II решил подчинить себе этот портовый город. Но встретил серьезное сопротивление. Военное противостояние затянулось на два года. Здесь, как и в предыдущих двух случаях, существовал собственный военный магистрат (*magister militum*), который появился в Бари после ухода Визан-

тийцев. Его возглавлял бариец Сергей VII. Сергей и его войны, как пишет Э. Куоццо, принадлежали к потомственной городской аристократии Бари, сложившейся еще при византийском господстве [28]. Неаполитанцы отчаянно сопротивлялись несмотря на тяжелую, почти годовую осаду. Как пишет лангобардский хронист, автор Беневентской хроники Фалько оборону горожане держали из последних сил, многие младенцы, дети, подростки, юноши и даже пожилые люди обоего пола испустили дух на улицах и в домах города («Interea ad tantam famis asperitatem civitas pervenit Neapolitana, tamen infantes multi, pueri, adolescentes, iuvenes, senes etiam utriusque sexus per civitatis plateas et domos spiritus exalabant») [22: 240].

Неаполитанцы, как и горожане Бари держали долгую оборону в надежде, что им помогут войска германского императора. Но в 1137 году Лотарь II покинул Италию, и Сергей сдал Неаполь Рожеру. Приняв у него клятвы верности, Рожер признал за Сергием право на военный магистрат в городе. Таким образом глава военного магистрата стал вассалом Рожера. После гибели Сергия при Риньяно-Гаргано (29 октября 1137 г.), проигравший эту битву Рожер, неожиданно для себя, сам стал сеньором Неаполя, как сюзерен Сергия. Только после этого город был лишен самостоятельного военного магистрата [29: 45].

В 1139 г., после того как сын Рожера II устроил засаду рядом с городком Галлуччио и взял в плен папу Иннокентия III, последние очаги сопротивления на полуострове были подавлены. Норманские владения на юге Италии стали частью единого государства Рожера II Сицилийского. Салерно, Бари, Троя и Неаполь потеряли военные магистраты.

Современники событий описывают взаимоотношения городов и монарха в лекалах сеньориального мира. Хронисты не упоминают о материальной заинтересованности короля в сохранении того или иного города. Разорение или уничтожение города не рассматривается как реальная или потенциальная потеря для монарха. Зафиксированные в текстах компромиссные решения, позволяющие городу сохранить тот или иной магистрат, связаны отнюдь не с силой сопротивления горожан и их давлением на короля. Для Рожера они обусловлены общей ситуацией в войне с сеньорами. Содержание договоров с городами, судя по материалам хроник, продиктовано, как и во взаимоотношениях с вассалами, в первую очередь, их верностью сюзерену, а не экономическими соображениями.

До завоевания южноитальянские города были развиты в ремесленном и торговом отношении, имели собственную администрацию, которая ведала финансами

города. Одни имели собственный суд и военный магистрат, другие боролись за право ими обладать. О зрелости городского *universitas* Южной Италии свидетельствует история о борьбе горожан Тройи и о выселении тройянцев в деревню, после которого этот южный город сумел, как позднее городское сообщество Милана, восстановиться и снова начать борьбу. Стремление городов расширить магистраты или узаконить их, убеждают, что все четыре города подошли к порогу формирования городской автономии.

В то же время, тексты хроник, позволяют увидеть, что, три из четырех рассмотренных городов (Салерно, Бари, Троя) находились все еще на этапе легитимизации городских магистратов и готовы были сотрудничать с разными сеньорами (папой, графом, королем), чтобы получить и сохранить их. Некоторые городские магистраты еще не стали постоянными. Менее чем за четверть века города могли несколько раз приобрести их и потерять. По южноитальянским хроникам XII века мы видим, что легитимация и потеря магистратов является результатом дарения, согласия, узаконенья со стороны сеньора. Другого пути для южноитальянского города пока не существует. Даже вооруженная многолетняя борьба горожан не приводит к городской автономии.

Приведенные сюжеты хроник свидетельствуют о чрезвычайной важности для города узаконенья его собственного военного магистрата. В сеньориальном мире он мог гарантировать городу автономию и самостоятельность в принятии экономических, судебных и административных решений. Не случайно именно там, где уже существовал или складывался такой институт, Рожер встретил наиболее активное сопротивление. Но судя по текстам хроник вне города городские военные отряды присутствовали на поле боя, только вместе с сеньорами. В хрониках нет свидетельств межгородских военных союзов. В борьбе против Рожера II города во многом зависели от помощи местных сеньоров, армий папы или императора. Без сеньориальной поддержки городам приходилось сдаваться и соглашаться с потерей военного магистрата.

Тексты хроник позволяют заключить, что предоставление свобод южноитальянским городам не входило в планы сицилийского монарха, и что главным средством подчинения городов было упразднение городского военного магистрата. Лишение их этой автономии, прервало движение южноитальянских городов от *universitas* к коммуне североитальянского типа. В целом коллизии, описанные хронистами, заставляют нас не преувеличивать экономических и социальных потенциалов южноитальянских городов, быть более осторожными в оценке уровня стабильности городских магистратур и городской автономии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sestan E. *L'Italia Medievale*. — Firenze: Ed. scientifiche italiane, 1967. — 407 p.
2. Kehr P.F., *Papsturkunden in Benevent und der Capitanata/Papsturkunden in Italien*. Vol. I Latinum. — Berolini: Apvd Weidmannos. — 280 S.
3. Kehr P.F. *Italia Pontificia, IX: Samnium — Apulia — Lucania*. — Berlin: ed. W. Holtzmann, 1962. — 326 p.
4. Loré V. *L'aristocrazia salernitana nell'XI secolo. Salerno nel XII secolo. Istituzioni, società, cultura*. // Salerno nel XII secolo. Atti del convegno internazionale. Raito di Vietri sul mare, Auditorium di Villa Guariglia, 16/20 giugno 1999. — Salerno: Istituzioni, società, cultura. 2004. P. 61-102.
5. Houben H. *Sperimentazioni istituzionali nel regno normanno di Sicilia// Pensiero e sperimentazioni istituzionali nella societas Christiana (1046-1250)*. Atti della sedicesima Settimana internazionale di studio, Mendola, 26-31 agosto 2004. Andenna, Giancarlo [Publ.]. — Milano: 2007. P. 655-671.
6. Caravale M. *Il Regno normanno di Sicilia// Studi e testi pubblicati dall' Istituto di storia del Diritto italiano del Università di Roma*. — Milano: Giufre, 1966. — 480 p.
7. Carabellese F. *Il comune pugliese durante la monarchia normanno-sveva // Commissione provinciale di Archeologia e Storia Patria. Documenti e Monografie*. — Bari: Editrice Vecchi Trani, 1924. — 233 p.
8. М. Л. Абрамсон. *Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI—XI вв.)// Средние века*. 1976. Вып. 40. С. 12—28.
9. Fasoli G. *Città e ceti urbani nell'età dei due Guglielmi // Potere, società e popolo nell'età dei due Guglielmi*. Atti delle quarte giornate normanno-sveve. Bari — Gioia del Colle, 8—10 ottobre 1979. — Bari. 1981. P. 147 -172
10. Vitolo G. «*In palatio communis*». Nuovi e vecchi temi della storiografia sulle città del Mezzogiorno medievale // *Città e territori nell'Italia del Medioevo*. Studi in onore di Gabriella Rossetti [Europa Mediterranea. Quaderni, 20]. — Napoli. 2007. 336 p.
11. Tancredi et Willelmi regum diplomata, in *Codex diplomaticus regni Siciliae, serie I, Diplomata regum et principum e gente Normannorum*. — Köln — Wien: Bohlau, 1982. — 193 p..
12. Galasso G. *Medioevo euro-mediterraneo e Mezzogiorno d'Italia*. — Napoli: Laterza, 2009. — 491 p.
13. Carabellese F. *Il comune pugliese durante la monarchia normanno-sveva*. — Trani: Editrice Vecchi. 1924. — 234 p.
14. Абрамсон М.Л. *К проблеме типологии южноитальянского города (XII—XIII вв.) // Средние века*. — М.: Наука 1988. — Вып. 51. С. 35—57
15. Jean-Marie Martin. *La Pouille du VIe au XIIe siècle*. Rome : École française de Rome, 1993. 968 P. P. 354—358.
16. Abulafia D. *The two Italies. Economics relations between the Norman Kingdom of Sicily and the Northern Communes*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. — 310 p.
17. Amalfi, in *Itinerari e centri urbani nel Mezzogiorno normanno-svevo//Atti delle decime giornate normanno-sveve (Bari, 21-24 ottobre 1991)*. — Bari. 1993. 486 p.
18. Del Treppo M. *Alfonso Leone. Amalfi medioevale*. — Napoli: Giannini Editore, 1977. — 340 p.
19. Figliuolo B. *Amalfi e il Levante nel Medioevo. // I comuni italiani nel Regno Crociato di Gerusalemme*. Atti del Colloquio «The Italian Communes in the Crusading Kingdom of Jerusalem» (Jerusalem, May 24 — May 28, 1984). Genova. 1986. P. 571—664.
20. Ртищева Г.А. *Торговые связи норманнской Сицилии//Современная научная мысль*. 2021. № 2. С. 6—11.
21. Citarella A.O. *Il commercio di Amalfi nel Medioevo*. — Salerno: Centro « Raffaele Guariglia», 1977. — 340 p.
22. Falcone di Benevento. *Chronicon Beneventanum : città e feudi nell'Italia dei Normanni*. (Latin). — Firenze: SISMEL-Edizioni del Galluzzo, 1998. — 319 p.
23. Alexandri Telesini abbatiss *Ystoria Rogerii regis Sicilie, Calabrie atque Apulie* ed. L. De Nava, con commento di D. Clementi. Roma: Nella sede dell'Istituto, 1991. — 364 p.
24. Romualdi Salernitani. *Chronicon*, ed. C.A. Garufi. *Rerum Italicarum Scriptores*. Nuova Edizione. T. VII, 1. Città del Castello. — Bologna: 1935, —441 p.
25. *Regesta Pontificum Romanorum. Italia Pontificia. Vol.IX: : Samnium — Apulia — Lucania (in Latin)*, ed. Walter Holtzmann. — Berolini: Weidmannos, 1962, — 453p.
26. Andenna G. *Dalla legittimazione alla sacralizzazione della conquista (1042—1140) // I caratteri originari della conquista normanna. Diversità e identità nel Mezzogiorno (1030-1130)*. Atti delle sedicesime giornate normanno-sveve (Bari, 5-8 ottobre 2004). Bari. 2006. P. 371—405.
27. Michele Fuiano. *Economia rurale e società in Puglia nel medioevo*. — Naples: Liguori, 1978. — 161 p.
28. E. Cuozzo. *Napoli e la sua terra, Itinerari e centri urbani // Itinerari e centri urbani nel Mezzogiorno normanno-svevo*. Atti delle decime giornate normanno-sveve, Bari, 21-24 ottobre 1991. — Bari: Dedalo, 1993. P. 43-46.

© Ртищева Галина Анатольевна (galina_rtsheva@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»